

ПОПУЛИЗМ ИЛИ СМЕРТЬ

Михаил Ремизов

Михаил Ремизов — президент Института национальной стратегии (ИНС)

На Западе подъем популизма уже произошел. Он персонафицирован фигурой Барака Обамы. Пример этого политика говорит о том, что популизм может быть очень мощной технологией по реанимации политической системы и деморализованного общества. Америка в последние годы правления Буша была деморализованным обществом — и на уровне его отношений с внешним миром, и на уровне его отношений с собственной властью, и, главное, на уровне его отношений с накопившимся грузом проблем. **Популистский проект под названием «Барак Обама» разрешил ситуацию морального кризиса, превратив его в новое моральное лидерство Америки.**

Однако наблюдение за организацией политического процесса в США при Обаме приводит к выводу, что популизм в этом случае был не стихийной силой, которая берет все новые и новые рубежи, а умеренно контролируемым и моделируемым проектом. Это популизм под контролем элит. Поэтому маловероятно, что процесс пойдет дальше и популистская революция в США пожрет свое темнокожее дитя.

В России сегодня и общество, и государство находятся в крайне тяжелом моральном кризисе. Царит ощущение тупика и общенационального бессилия: «ничего нельзя сделать». Недаром довольно очевидные слова Андрея Громова о лжи и воровстве вдруг вызвали такую бурю эмоций в интернет-пространстве.

Суть морального кризиса сводится к полному отсутствию взаимной требовательности в отношениях власти и общества. Люди ничего не ждут от государственной власти. **Доверие к высшим лицам государства — это доверие безразличия**, основанное на полном отсутствии требовательности по отношению к государственной системе.

Россия беременна каким-то движением, которое сделает заявку на создание атмосферы новой требовательности в отношениях между обществом и государством. Сначала требовательности народа в отношении государства, а затем — государства в отношении различных слоев общества. Это своего рода этическая революция, которая может и должна быть популистской. Именно политический популизм способен связать общество и государство, создать между ними сначала эмоциональную, а потом институциональную связь.

С идеологической точки зрения любой популизм ситуативен. Это всегда ответ на запрос духа времени, который практически никогда

кие, и социалистические, и либеральные обертона. При этом наибольший вопрос возникает с последним: «либеральный популизм» звучит для нас как оксюморон. Но он не бессмыслен. Возможно, он будет связан с проблемой обретения человеком гражданского достоинства как определенной неприкосновенности по отношению к практикам внеэкономического насилия и практикам отчуждения политической воли. Способность сказать «нет» отчуждающим практикам связана с традицией гражданского либерализма, либерализма достоинства.

Почему у нас нет популистской политики, если она исторически востребована?

Интересна в связи с этим оценка Глеба Павловского, который говорит о том, что существующий российский режим «заточен» под ограничение рискованных для него политических практик, в том числе популистских. Но ценой «запрета на популизм» является убийство политики как таковой.

Ведь со времен античности популизм является необходимой составляющей любой публичной политики. Тяжба между республиканским элитизмом и демократическим популизмом является ее нормальной интригой. Убивая одну из сторон этой диалектической пары, мы убиваем политику как таковую. И вследствие этого делаем общество непригодным к производству политической власти. То есть власти, способной пред-

Именно убийство популистского начала в российской политике делает российскую власть политической инвалидной

не совпадает со «школьной» демаркацией политических идеологий. **Популизм — это всегда идеологический синтез. В нашем случае он способен иметь и националистичес-**

ставительствовать, способной осуществлять коллективное целеполагание, способной обуздывать бюрократию. Способной, одним словом, осуществлять суверенитет.

Именно убийство популистского начала в российской политике делает российскую власть политически инвалидной, а российскую бюрократию — безответственно доминирующей и самодовлеющей силой.

Что лежит в основе российского режима искусственной деполитизации? Глеб Павловский в уже упомянутом рассуждении говорит о некоей задаче «выхода из истории», которая стоит перед новой Россией. Режим сдерживания популизма и сдерживания политики предстает как режим сдерживания самой истории, по аналогии с европейским «постисторическим» проектом, выстроенным под лозунгом «Никогда больше!».

Сегодня нам снова говорят, что на переправе коней не меняют, то есть что в ситуации кризиса изменять политические институты нельзя. Получается, что коней не меняют никогда, пока они сами не содохнут. Власть не меняется — ни в условиях успеха и благополучия, ни в условиях кризиса прежней модели развития.

Но сама эта позиция и есть главный фактор нашего кризиса — и морального, и управленческого.

Поэтому начать нужно с того, чтобы поставить ее под вопрос. Сказать, что нужны перемены, в том числе в кадровой политике. У нас есть некие институты-персоналии, которые прочно привязаны к той модели развития, под которой кризис подвел черту. Эти люди, будучи заложниками собственного опыта, в том числе собственных успехов, вряд ли будут способны создать новую модель развития, которая будет адекватна кризисной и посткризисной эпохе. Поэтому первые институциональные изменения — это изменения кадровые.

И второе. Сегодня как никогда актуальна старая песня о необходимости сочетать укрепление президентской власти с публичной политической конкуренцией на парламентской площадке, ведущейся за право формирования правительства. Эта модель обеспечила бы устойчивость российской политической системы при условии создания приводных ремней элитного консенсуса. ■

Специально для РЖ

ВАМ ПОПУЛИЗМ? СДЕЛАНО!

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Московская власть не выбирает, и никогда не выбирала между «популизмом» и «консервативностью»; она всегда заявляла — беру обе! Правое и левое? Берем! Старое и новое? Народное с антинародным? Заверните вместе! **Приход Путина в 1999 году был и изощренным политическим проектом-многоходовкой, и популистской импровизацией одновременно.** Между Путиным-1999 и Обамой-2009 политически нет разницы. Быть может, и путинский джаз кому-нибудь удастся еще раз сыграть в России. Но это не выйдет способом «отойди, теперь мы!» — и это неосуществимо для теоретиков популизма.

Смешная манера русского мышления трактовать идею — и ждать, требовать даже, чтоб реальность пришла в соответствие с интерпретацией. Но теоретик политики не защищен от нее самой: в момент, когда Михаил Ремизов берется рассуждать о ней, он уже там — либо его там нет. Если Ремизов предлагает популизм, я вправе ждать, что он его практикует. Поскольку он этого не делает, он оперирует мнимыми величинами.

Рассуждение «а вот бы хорошо еще нам популистское движение...» — неполитическое суждение. В политике если можно обойтись без чего-то, без этого нужно обойтись; Оккам верен всегда.

Движение не благо, оно факт — либо его нет. В 1999 году движением было «Я — за Путина!», и — это факт — люди *двигались: говоря, споря, голосуя.* Но и тогда, ввиду адского Басаева в Дагестане и на улице Гурьянова в Москве, они не высыпали на улицу, не рыдали от чувств, не рассылали цифровых валентинок любви а-ля Обама. Почему? Знает русский Бог. Некогда было дожидаться иной формы общественного суверенитета, кроме любви к Путину. В политике никто никого никогда не ждет. Ремизов, вам движение нужно? Двигайтесь! Но обратите внимание на то, которое уже есть.

Популизм не пустое место, куда можно выйти, выкрасившись в яркие цвета, чтобы произвести впечатление. Чем твердить пустое про путинскую харизму, вспомните, что харизма означает *благодарность.* Для благодарения нужны и важны *дары:* они есть? Или их нет? Пока харизма-благодарность живет, будьте уверены — дары есть, и они весьма велики. **Все места на популистской сцене разобраны, заняты властью Медведева-Путина; перечитайте Антикризисную программу.** Популизм это? Еще бы! Но и он эффективен внутри чего-то большего, нежели поп-тусовка. А ведь еще есть получатели даров — поколенческие кланы, сословия, покупательницы из «Пятерочки».

Ремизов, что вы с этим поделаете? Захватите зал Думы и устройте кишиневское перевертывание стульев? Сверху, из кинобудки за вами будет следить лучисто раздевающий взор бюрократии. Кто, в конце концов, отымел в Кишиневе яркую антикоммунистку Морарь, гормонально сотрясавшую юнцов? Малопочтенный старец Воронин, со всем красноречивым бизнес-ансамблем Молдавии.

Я не хочу сказать, будто в политике что-либо невозможно, возможно все. Потому в политике нет пустот, а есть давка, ражий натиск — и ошеломительная кража любых идей, когда те хоть на что-то годятся. Давайте идеи. ■